

АРИЭЛ МИНИСТРИС

Свидетельство Арнольда Фрухтенбаума

Перевод на русский В. Ролдутина

Вступление

Многие, читающие эти слова слышали свидетельства о том, как люди пришли к Иисусу Христу. Хотя между свидетельствами верующих-язычников и верующих-евреев существует значительная разница. Свидетельства верующих-язычников часто начинаются с детства или рождения. Но свидетельства верующих-евреев должны начинаться значительно раньше.

Когда еврей встречается с претензией Иисуса на роль Христа, у него возникает много вопросов и мыслей о своем происхождении, как результат тысячелетнего учения. Каждое христианское свидетельство еврея фактически начинается со следующих слов Иисуса: Лука 19:41-44, 21:24.

И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего.

и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников.

Спустя сорок лет как Иисус сказал эти слова римские войска вторглись в Израиль. После двухлетней осады город Иерусалим был разрушен в точности таким образом как это было пророчено в вышеприведённых цитатах. С этого момента история еврейского народа известна как рассеивание или рассредоточение: рассеивание евреев по всему миру и начала веков преследования. Люди не только были выгнаны с их земли, но их постоянно заставляли переселяться с места на место, из страны в страну. История евреев этого времени – это постоянное бегство от анти-симитского преследования. Как только евреи поселялись где-либо, там сразу же возникал анти-симитизм, вынуждающий евреев искать другое место для поселения. Так что слова Моисея стали истиной. Втор 4:27-29.

и рассеет вас Господь по [всем] народам, и останетесь в малом числе между народами, к которым отведет вас Господь; и будете там служить [другим] богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят и не обоняют. Но когда ты взыщешь там Господа, Бога твоего, то найдешь [Его], если будешь искать Его всем сердцем твоим и всею душою твоею.

Лев 26 (вся глава).

Одна из величайших трагедий преследования евреев в том, что начиная с четвёртого столетия практически все преследования творились во имя Иисуса Христа, церкви и креста. Именно потому что так много страданий евреев было вызванно именем Иисуса и именем крест, в их сознании возникла изначальный барьер между «нами» и «ими»: «они» - язычники или христиане (эти слова – синонимы в сознании большинства евреев), они служат их Богу – Иисусу, чьим именем они убивают и преследуют евреев.

Эта подоплёка, с которой сталкивается большинство евреев, пред лицом обращения их к Иисусу Христу: расселение и преследование во имя Иисуса. Точно также как и я лично столкнулся с этим. Позвольте мне начать моё свидетельство с рассказа о семейной истории Фрухтенбаумов.

Корни

В 17-м – 19-м столетиях Польша предоставила евреям убежище от преследований в других частях Европы. К моменту начала Первой Мировой Войны еврейская община в Польше насчитывала около 3-х миллионов человек и была самой большой во всём мире. В этой общине возникла и выросла секта, которая в конце концов поглатила собой весь иудаизм. Эти люди, известные как хасиды, буквально «набожные» или ультра-ортодоксы, всегда ходили в чёрном, в больших меховых шляпах, с длинными бородами и с пейсами по бокам. После того как основатель умер, движение распалось на несколько групп в основном по географическому принципу.

Среди лидеров идной из таких групп, известной как Gerer (Прим. так же Gerrer) Chasidim (Ger – имя основателя этой секты) была семья Фрухтенбаумов. Мой дед и его отец и так далее были среди лидеров этой группы. Чтобы стать таким лидером мой дед имел специальную религиозную подготовку. К 13-ти годам он знал наизусть Тору на хибру. К 18-ти годам он знал наизусть весь Старый Завет (прим. Тора, Пророки и Святые писания). К 21-му году он знал место-расположения на странице каждого слова. Если кто-то поставил бы свой палец на странце еврейской Библии мой дед был бы в состоянии перечислить по памяти все слова под пальцем, страница за страницей в правильном порядке (прим. «Тест гвоздя»). Это было необходимым требованием, чтобы стать лидером. Поскольку Писание используется лишь как база изучения, мой дед потратил всю свою остальную жизнь на изучение книг раввистских традиций. Всё его понимание Писания было определено этими книгами и интерпретациями равви на протяжении столетий. Он, на самом деле, был не способен читать текст и просто понимать о чём там говорится – его представления были полностью определены еврейскими традициями. Поэтому, а также потому, что он знал текст так хорошо, он не был способен увидеть там учение об Иисусе.

Одним из примеров какой авторитет имел мой дед среди ультра-ортодоксов являются дебаты о помидорах. Помидоры, как кукуруза и табак (прим. и картофель) попали в Европу лишь после того как они были обнаружены в Новом Мире. Помидоры не были известны в некоторых районах Польши вплоть до окончания Первой Мировой Войны. И тогда возник вопрос: «Являются ли помидоры кошерными?». Были большие дебаты по этому вопросу среди евреев того времени. Можно ли евреям есть помидоры? Библия ничего не говорит по этому поводу и никто даже не видел их раньше, так можно их есть или нет? В конце концов была организована делегация к моему деду с тем, чтобы принять решение по этому вопросу. Дед попросил их вернуться за ответом через неделю. Он купил несколько помидоров и в течении этой недели изучал их. Он разрезал их, изучал какого они цвета, какие у них семена и так далее, он сверялся что говорят по поводу этих свойств традиции и раввистские книги и, в конце концов, принял решение, что на самом деле помидоры кошерны. Так что вся та община ест помидоры с тех пор.

Его ортодоксальность была такой строгой, что она даже привела его к смерти. Случилось так, что на Йом Кипур, День Искупления (1937), самый святой день еврейского календаря, у него случился приступ аппендицита. И потому, что – это был святой день, он стал противился все 24 часа каким-либо

медицинским методам, пока Йом Кипур полностью окончится. Но аппендицит разлился, и он умер в тот вечер.

Мой отец

После того как мой дед умер началась подготовка моего отца, чтоб он мог занять место лидера группы, в частности заучивание им Писания. Эта подготовка была прервана в 1939 году, когда Германия оккупировала Польшу и была развязана Вторая Мировая Война. Мой отец бежал в Россию, но Россия не проявила большей милости к евреям, чем Германия. Не смотря на то что он был евреем, он был обвинён как нацистский шпион и был сослани в ГУЛАГ в Сибирь, где он провёл следующие два года. В 1941 году Германия напала на Россию и началась новая фаза войны. Русским потребовалась поддержка находящегося в то время в изгнании в Англии польского правительства. (Прим. На самом деле после провала альянса с Геоманией коммунисты стали заигрывать с антигитлеровской коалицией, Великобританией в частности, на предме военного альянса, дабы иметь поддержку чтобы противостоять Германии. А польское правительство, как жертва нацизма, имело существенный вес в Англии того времени). Польское правительство согласилось поддерживать Россию на том условии, что коммунисты освободят всех польских граждан, находящихся в концентрационных лагерях в России. Так что мой отец был освобождён из заключения как гражданин Польши. Однако, в виду того, значительная территория европейской части России находилась под германской оккупацией, мой отец предпочёл оставаться в Сибири вплоть до окончания войны. Мой отец выжил в то время благодаря навыкам по фотографии, полученным им в своей юности. Война и сталинская политика «переселения народов» вызвали волну обновления паспортов и других официальных документов, что требовало фотографий. Всем нужны были фотографии, так что мой отец имел стабильный доход. Именно на этом поприще он встретил мою будущую мать. Она тоже была сослана в Сибирь и ей была нужна фотография для официального документа. Несколькими месяцами позже они поженились. Когда я был рождён в 26-го сентября 1943 года мне дали русское имя Аричек Генекович Фрухтенбаум.

Возвращение в Польшу

По окончании Второй Мировой Войны всем польским гражданам было разрешено вернуться в Польшу, и мой отец решил воспользоваться этим. Мне в то время было три года. Длинный путь возвращения проходил через Украину. Там моя мама заболела тифом и была госпитализированна. Опять, мой отец был вынужден работать там, чтобы выжить, а меня был вынужден отдать в детдом. На Украине в то время была засуха. Наличие продуктов питания на Украине было очень ограничено, а для детдома небыло вовсе. Дети умирали там с голоду. Но в конце каждого дня мой отец приходил к детдому с двумя ломтями хлеба для своего сына. Не смотря на то что я выглядел как кости, обтянутые кожей, я всётаки выжил благодаря подкормке моего отца. В конце концов моя мама выздоровела и мы вернулись в Польшу. Мы вернулись в маленькое еврейское гетте, окружённое полностью римской католической церковью. Мы были там менее одного года.

Моему отцу удалось разыскач членов нашей семью, уцелевших от Холокоста. Он был одним из тринадцать в семье, семеро из которой умерли, шестеро в Холокосте. Он нашёл одного брата и трёх

сестёр. Одна из сестёр потеряла своего мужа, брат потерял свою жену и единственного ребёнка. Второй брат (прим. судя по всему он не терялся из виду) занимался переправкой евреев в Израиль в течении войны. Все остальные погибли вместе со своими супругами и детьми: кто в варшавском гетте, кто в Освенце (прим. Белоруссия), кто был застрелен в Панерийском лесу (прим. Литва), большинство в Треблинке (прим. два лагеря в Польше: один из них – трудовой, другой – лагерь смерти).

Через несколько месяцев по возвращению в Польшу мы праздновали первую послевоенную Пасху (Песах), 1946 год. Это была очень важная и значительная Пасха, так как мы праздновали искупление из Египта и искупление из Германии. Мы были полны надежд. В течении восьми дней Пасхи мы должны были есть только бездрожжевой хлеб, так что наши матери начали его печь, чтобы подготовиться к Пасхе. В это время в римской католической церкви пропал трёх-летний ребёнок. И католическими священника был распространён слух, что для выпечки пасхального хлеба требуется кровь христианина. Этот слух был распространён во всей Польше, и в первую ночь Пасхи, когда мы сели за стол, на улицах собрались толпы народа, организованные полицией и ведомые церковной священниками. Через всю Польшу прошли погромы на еврейские гетте, включая и ту, где жил я, и в этот вечер 1946-го года по всей Польше было убито много евреев во имя Иисуса. Тогда я впервые услышал имя «Иисус Христос» - не тот, который умер за меня, но тот за кого должен был умереть я. Когда толпа выламывала двери и врвалась в еврейский дом (наш дом избежал такой участи) там всегда был священник, размахивающий крестом и кричащий по польски обще-известную фразу : «Вы убили Христа, так что мы убьём вас». Это были слова, из которых я впервые узнал об Иисусе.

Именно в результате того опыта в моём сознании, так же как и в сознании многих других евреев, начал расти барьер между «нами» и «ими». Я не хотел иметь дела с миром язычников или христиан (это были синонимы). Иисус, которого мне представила христианская церковь, был проклинающий и убивающий, а не тот настоящий Иисус Христос из Нового Завета.

Бегство из Польши

Было одно хорошее следствие, которое вытекло из Польских погромов – это работа израилевского подполья. Когда израилевское подполье услышало что происходит в Польше, они стали искать способ как спасти из-за «железного занавеса» так много евреев, сколько только возможно. (Прим. Польша уже находилась тогда под правлением коммунистов). Они подкупили пограничников. Было достигнуто «соглашение», что евреи в течении тридцати дней могут свободно покинуть Польшу.

Мои родители узнали от подполья, что имеются 30 дней чтобы покинуть страну и решили сделать это. Загрузившись рюкзаками, мы начали своё длинное путешествие на ногах в группе среди других евреев к границе. Когда мы достигли её в конце концов, мы были остановлены польскими пограничниками. Когда они убедились, что мы евреи, они взяли свои ружья на ремень, отвернулись и уставились в небо, дабы глаза их даже не видели нас, так что мы свободно пересекли границу в Чехословакию. (Прим. Чехословакия тогда ещё сохраняла относительную независимость от России). Позже я узнал о цене, которая была уплачена за наш переход через границу. Это было всего навсего несколько блоков американских сигарет. Американские сигареты катировались весьма высоко в Восточной Европе того

времени, так блока «Camels» было достаточно, чтобы купить свободу целой еврейской семье. Не смотря на то, что сигареты представляют опасность для жизни многих, они, вне всякого сомнения, спасли мою! После перехода в Чехословакию была некоторая неразбериха по началу, но затем шаг за шагом израилевское подполье организовало нас в пешую группу. И под их руководством мы совершили путешествие пешком через чехословацкие леса к чехо-австрийской границе, где было достигнуто аналогичное «соглашение» с пограничниками. Потребовалось несколько недель, для нашего перехода через Чехословакию, от польской границы до австрийской, и мы прибыли к границе уже после того как Чехословацкое правительство пало, и к власти пришли коммунисты. Как только коммунисты захватили власть, они заменили подкупленных уже пограничников русскими солдатами, с которыми невозможно было сговориться. Израилевское подполье сказала нам сидеть тихо в укромном месте и не разбегаться, пока они разведуют ситуацию. Они выяснили, что русские находятся под строгим приказом не пропускать никого кроме греков, возвращающихся домой из концентрационных лагерей. Тогда они вернулись к нам и сказали нам сжечь всё и вся, где только были наши имена. Так в ту ночь паспорта, свидетельства о рождении – всё испустило дым.

На следующее утро мы, прикинувшись греками, направились к чехо-австрийской границе с русскими пограничниками. Никто из нас не был греком, никто из нас не знал даже единого слова по-гречески, но такими же были и русские! При помощи такой простой уловки мы все благополучно попали в Австрию, все кроме одного члена израилевского подполья, который был застрелен насмерть в самый последний момент. С тех пор слова из Послания Римлянам 1:16 «...ко спасению всякого верующего, во-первых иудею, потом и еллина» я отношу с небольшой перефразировкой к себе лично: «Я был евреем сначала, но так же и греком!» (Прим. После завоеваний Александра Македонского слово «грек» стало нарицательным и употреблялось в значении «пришелец», что то же самое, что и «язычник» или «нееврей» в еврейской среде, например. В русском языке в своё время в значении «пришелец» использовались слова «еллин», «епинь», позже «варвар», ещё позже – после татарского нашествия – «татарин». Помните «Незванный гость – хуже татарина», т.е. пришельца. В данном случае русская Библия имеет смысловой перевод, и использованно слова «еллин», хотя в оригинале – «грек», что и обыгрывает Арнольд).

Случилось так, что в Австрии американская военная полиция забрала нас у израилевского подполья, сопровождала нас через всю Австрию к Западной Германии и поместила нас в «лагерь для перемещаемых лиц», где мы провели следующие пять лет в разных местах Западной Германии. Нас удерживали от репатриации в Израиль потому, что в это время евреи сражались с Англией за независимость. Мы оставались в Германии до 1951 года, когда нам были выданы визы для иммиграции в Америку.

За три года до этого, в 1948 году, произошёл один случай, ставший значительным фактором в моей жизни, в смысле проистечения моей конфронтации с учением об Иисусе. Среди евреев в лагере работал лютеранский священник Теофил Бургстахлер со своей дочерью Ханной, которые обеспечивали вновь прибывших беженцев из-за «железного занавеса» одеждой и другой гуманитарной помощью. Именно от них мы получили кстати одежду, когда прибыли в Германию.

В тот момент, когда он услышал, что мы подали документы для иммиграции в Америку, он име при себе октябрьский номер журнала «The Chosen People» за 1948 год. На его обложке был адрес Нью Йоркской штабквартиры одноимённой организации. Он оторвал обложку и дал её моей матери, сказав при этом, что когда мы прибудем в Нью Йорк нам следовало бы обратиться к теми людьми, так как они способны помочь нам. Моя мать не представляла точно что это была за организация; она просто предположила, что они помогают еврейским иммигрантом в Америке. И это было так на самом деле, но так же было и нечто большее. В то время, когда она поняла это, было слишком поздно – так ка я уже окончательно заинтересовался этим. В 1951 году семья Фрухтенбаумов, имевшая к тому времени так же второго сына и дочь, покинула Западную Германию для новой жизни в США, прибыв в Нью Йорк и поселившись в Бруклине.

Бруклин, Нью Йорк

Как только ны обосновалась в Бруклине, моя мать достала обложку журнала, которую она хранила три года и направилась на метро в Манхеттан. Она нашла адрес, который искала и встретила с представителем миссианской организации. Им оказался Даниил Фукс, но так как она не говорила по-английски, а он не говорил ни по-польски, ни по-русски, ни по-немецки и ни на хибру, то их переговоры были весьма символическими. Он записал наше имя и адрес на карточке 3 x 5 дюймов и пообещал установить с нами контакт. И это действительно случилось на самом деле, но лишь шесть лет спустя. На протяжении этих шести лет я жил исключительно в еврейском мире в Бруклине. Сообщества язычников вокруг также были чётко разделены по этническому принципу: афро-американцы, итальянцы, пуэрториканцы. Именно таким образом Бруклин был поделён на районы. И если учесть, что в школе, которую я посещал было 99% евреев, то мой контакт с язычниками или христианами был ноль.

Спустя те шесть лет эта еврейская миссианская организация открыла своё новое отделение примерно в миле от того места, где мы жили. Кто-то в этой организации, просматривая архивы, собрал все контактные адреса в каком-то радиусе от нового отделения. Затем по этим адресам были направлены работники, чтобы пригласить нас на встречу в новом месте. Таким образом нас посетила Руфь Вардел, которая пригласила нас на собрание евреев-христиан. Когда я впервые услышал фразу «еврей-христианин», я подумал, что это полная чепуха. Вы могли быть либо евреем, либо христианином, но ни когда обоими. Тот кто называл себя евреем и христианином должно быть был шизофреником: две личности в одном человеке.

Не смотря на это во мне возросло любопытство и в вечер первой встречи я решил сходить туда. Я пришёл и сел. Чем больше я слушал, тем более злым я становился. Меня не интересовало, что там были евреи, которые говорили об Иисусе. Этого я ожидал. Но меня бесило то, что они пользовались нашей Библией, Торой, Старым заветом, чтобы говорить о Нём. Меня воспитали верить, что мы имеем нашу Библию, а христиане – свою Библию. Их Библия была Новым Заветом и была об Иисусе, но Иисус не предполагался быть в нашей Библии. Но там были христиане, использующие нашу Библию, чтобы говорить об их Иисусе; мои нервы были на пределе! Мис Вардел должно быть видела моё волнение, но решила не испытывать мой рассудок. Вместо этого она предложила мне вызов. Она дала мне Новый

Завет и предложила взять его домой и посмотреть ни делал ли Иисус всё то, что ожидается делал бы Спаситель. Я взял Новый Завет, но не потому, что я не имел предубеждений, а потому что был уверен, что докажу их шизофреничность однажды и навсегда.

Принеся его домой, я начал читать. Чем больше читал я Новый Завет, тем больше его еврейственность производила на меня впечатление. Это было совершенно отлично от ожидавшихся мною предположений. Мне вдолбили в голову в еврейской общине, что это исключительно языческая книга. Однако книгу открывают такие слова: «Родословная Иисуса Христа, сына Давида, сына Авраама». На сколько же еврейским это является? Чем больше читал я эту книгу, тем более еврейской она представляла передо мной: раввины, фарисеи, левиты и еврейские теологические дебаты, с которыми я был хорошо знаком. Всё в этой книге было исключительно еврейским и ничего из того, что я предполагал. К моменту, когда я закончил чтение Нового Завета, я был убеждён, что если Иисус не Спаситель Израиля, то Спасение, возрождение евреев не могут существовать вовсе, и что еврей-ортодоксы живут в мире грёз.

В это время я достиг «первой стадии». Многие евреев, достигших этой стадии и принимающие, что Иисус должен быть Спаситель, никогда не идут дальше. Они никогда не делают второго шага, принимая Его на личном уровне; они никогда не позволяют Ему войти в их жизнь из-за боязни потерять друзей, семью, работу, боясь быть выброшенными в скитальцы, в незнакомый мир язычников. Все эти мысли и боязнь прошли и через мой рассудок, когда я вернулся в миссию во второй раз. В этот раз я не был злым вовсе. Я сел рядом с Мис Вардел, которая пригласила меня сюда, и вместе мы переходили из Старого Завета в Новый и наоборот, рассматривая Писание относительно всего, о чём учил Христос. Я стал совершенно убеждённым и, смирясь, принял Иисуса как персонального Спасителя, отнеся клеймо шизовреника к себе самому.

Это было в то время когда семья Фрухтенбаумов пополнилась третьим сыном.

Калифорния

В следующем году моя родня перебралась в Калифорнию, и я провёл следующие четыре года в Лос Анжелесе, учась в старшей школе, где 80% были евреями. Это было время когда я испытал истинность слов Иисуса, написанных в Евангелие от Матфея 10:34-39 (процетированных от части из Михея 7:6)

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня, Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

Во время жизни в Калифорнии предельно предельно обострились мои отношения с отцом из-за моей христианской веры. Он запретил мне ходить на еврейские собрания где-либо. Он запретил мне читать Библию, Старый Завет, так же как и Новый. В конце концов он перестал со мной разговаривать вовсе. На протяжении всего моего последнего года в старшей школе между нами не было произнесено ни

единого слова. Примерно за два месяца до окончания школы он послал мне записку через мать, сообщающую мне, что по окончании школы я должен покунуть родительский дом. Это был новый кризис в моей духовной жизни. К этому времени я уже был верующим около четырёх лет и я уже имел много проблем, в связи с Иисусом, но теперь я был буквально выгнан из дома. В это время я читал Послание Филиппийцам и встретился с заверением в 4:19

Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом.

Когда я окончил школу, я имел этот стих и \$120.00 в своём кармане.

Возвращение в Нью Йорк

Мой отец потребовал чтобы я не только покинул его дом, но так же и покинул штат Калифорния; потому что огласка, что я христианин, разрушила бы его бизнес. Так что в 1962 году я окончил школу и направился в Нью Йорк. Мне потребовалось две недели, чтобы пресечь Америку из Лос Анжелеса в Нью Йорк. Когда я прибыл, всё, что я истратил из своего кармана, было \$17.00. Бог был со мной на каждом шагу моего путешествия: Он снабжал меня пищей, ночлегом, транспортом и всем, что было нужно мне на каждый день.

В течении лета я работал как волонтир без оплаты в Мессиянском еврейском лагере. К сентябрю практически все мои деньги были потрачены; у меня осталось лишь \$20.00. Я был принят в Христианский колледж Либерального Искусства, где плата за обучение была \$2,000.00 (\$20,000.00 в современных деньгах) в год, и мои \$20.00 были лишь каплей в море. Я решил, что было бы лучше взять академический отпуск на год, заработать денег столько, сколько только удастся, а затем начать обучение в следующем году. Это смотрелось как превосходная идея для меня, но на Бога это не произвело впечатления. Он не дал мне остановиться на этом, и в конце концов убедил меня начать обучение немедленно, а заботу о плате предоставить Ему. В сентябре 1962 года я вошёл в офис колледжа, был зарегистрирован на первый семестр и вышел от туда со счётам на \$750.00, который я должен был оплатить до конца семестра.

Я помню как я шёл по корридору со счётом в руках и молился: «Господи, Ты не позволил мне поработать год сначала, так что Ты должен дать мне деньги ко времени платежа». Четыре месяца позади, первый семестр окончен, и Бог не только дал мне все \$750.00 с полна, но колледж фактически должен был деньги мне! Точно так же было и с остальными семи семестрами. Каждый семестр начинался с того, что я должен был колледжу деньги и заканчивался тем, что колледж должен был мне. Последний, восьмой семестр закончился с балансом с точностью до пенни, и я закончил колледж в 1966 году. Первые три года из четырёх я учился в Шелтон колледж в Нью Джерси, последний год – в Седарвил колледж в Охайо.

Плата за обучения не были моими единственными расходами конечно. Я так же должен был покупать еду, одежду, учебники для каждого семестра и так далее. Я установил правило для себя с самого начала и следуя этому правилу по сей день: никогда никому не рассказывать о своих нуждах, даже близким друзьям. Я хотел быть уверенным, что никто не даёт мне деньги из личных симпатий, только по

побуждению Господа. Я всегда молился наедине, прося Господа о том, что мне было нужно, и Он всегда снабжал меня этим. Деньги всегда приходили вовремя, в основном от людей, которых я никогда не встречал, часто живущих за сотни миль от меня. Я даже сегодня не имею представления где и как эти люди могли узнать о еврейском мальчике учащемся в Нью Джерси, а позже в Охайо, но Господь всегда обеспечивал меня.

Пока я учился три сестры родились в Калифорнии, но мне не было позволено видеть их.

Подтверждая истинность разделения между детьми и родителями в Евангелие от Матфея 10:35

ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

Я также хочу засвидетельствовать истинность обещания Иисуса о возврате потери (Марк 10:29-30)

Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной.

В обещании в Евангелие от Марка 10:30 говорится, что будет компенсация за потери по вере. После того как я покинул семейный дом и начал учиться в колледже я был «адопторован» тремя другими семьями, не юридически, но во всех практических смыслах. По сей день они зовут меня сыном, и я зову их мам и пап. К концу второго года учёбы в колледже я имел три ключа на моём брелке. Один был от дома в Левиттауне, Лонг Айленд, один от домо в Вашингтоне, Д.С., а третий от дома в Вайлдвуде в Нью Джерси. Я был принят членом каждой из этих семей, как только я оказывался поблизости я мог войти в их дом и чувствовать себя там как дома, независимо от того был там кто-либо или нет. И по сей день их сыновья и дочери зовут меня брат, а я зову их братьями и сёстрами. Когда я окончил колледж семья из Вайлдвуда, Нью Джерси поместила объявление в местную газету, которое многие читатели, вероятно, приняли за обетчатку. Под моей выпускной фотографией был текст: «Мистер и Мистрис Чарльз Каттел сообщают об окончании образования их сына, Арнольда Фрухтенбаума». Истинно я могу сказать, что как Иисус Христос обещал, отцы, матери, братья, сёстры и дома были возвращены мне в этой жизни буквально.

Израиль

Я имел давнюю мечту учиться в Израиле, и после окончания колледжа я был включён в специальную программу Хибру Университета в Йерусалиме. Курс, на который я был принят посвящался повышению квалификации в археологии и исторической географии. Цена его была \$2,400.00. Я работал всё лето и скопил \$800.00, осталось \$1,600.00. За десять дней до посадки на самолёт в Израиль я получил письмо от правительства Соединённых Штатов, что они решили дать мне грант – не заём, но безвозмездный грант на \$1,624.00, \$24.00 сверх того, что было нужно. При этом, правда, была одна оговорка: грант был действительным только, для учёбы в Хибру Университета в Йерусалиме. Во истину, я был более чем счастлив подчиниться этому условию и храню это письмо по сей день. Это чудо

позволило мне целый год учиться в Иерусалиме и быть очевидцем Шестидневной Войны в 1967 году, так как я жил в четырёх блоках от Иорданской границы, когда она была развязана. Через два месяца после войны я вернулся в Соединённые Штаты и начал учиться в Даллаской Семинарии Теологии, где я пробыл четыре года. После первого года обучения я женился.

Мери Анн

Я встретил мою будущую жену за семь лет до этого и стал ухаживать за ней. Она была упряма и потребовалось семь лет, чтобы она согласилась выйти за меня замуж. Семь лет – значит я работал за свою жену так же тяжело, как Яков, мой праотец, работал за свою. Этот факт, как таковой, беспокоил меня постоянно. Это, в частности, касалось меня, потому что моя будущая жена имела двух сестёр!

В еврейской церемонии бракосочетания поворотным моментом является, когда жених раздавливает стеклянный стакан своим левым каблуком. До этого момента он может передумать, но как только стакан раздавлен – обратного пути уже нет. Когда мой друг положил стакан сзади меня, я бросил быстрый взгляд на вуаль дабы убедиться, что я женюсь на правильной девице и только потом я раздавил стакан. Кто знаком с историей Якова (Бытие 29:16-30) поймёт меня.

Служение в Израиле

Через год после женитьбы моя жена и я почувствовали, что Бог направляет нас в Израиль, чтобы искать там служение, в котором мы могли бы принять участие. В течение лет, которые мы учились в семинарии мы оба работали, чтобы обеспечить себя, и чудесное снабжение, которое мы испытывали, прекратилось в это время. Когда подошло время вернуться в Израиль, где мы могли бы работать в рамках визы, мы опять верили, что Бог поможет нам, и течении тех лет Он делал это. Как только подходило время платить по счёту, появлялись деньги – опять как правило от людей, с которыми мы не встречались даже по сей день. Два года мы проработали в Израиле: первый с очень маленькой группой израилевских верующих. Это разозлило местных фарисеев, которые так стали давить на правительство, что в конце концов нас попросили покинуть страну. Опечаленными мы вернулись в США в 1973 году и нашли здесь много молодёжи, еврейских верующих нуждающихся в ученичестве. После работы в двух мессианских организациях мы основали к концу концов Ариэл Министрис в 1977 году.

Заключение

Во время моих путешествий я предпринимал все возможные попытки, чтобы установить контакт с Лютеранским служителем, который изначально дал моей матери обложку журнала «Chosen People», приведшей меня позже к Спасителю. Несколько раз в классах, которые я учил, были люди из Германии. Они делали запросы для меня, но каждый раз сообщали мне что это было безуспешно. В конце концов я сдался и решил, что пока мы все не попадём на Небеса, он никогда не будет знать плодов своей работы. Между тем я занимался преподаванием и написал несколько книг, одна из которых посвящена библейским пророчествам и озаглавлена «Поступь Спаситель» (The Footsteps of the Messiah). Через два года после публикации она была прочитана Германским издателем. Книга понравилась ему; он перевёл её на немецкий и издал в Германии. Вскоре она попала на глаза в магазине одному человеку, который ничего не знал обо мне, но который знал, что его жена интересуется пророчествами. Когда она увидела книгу, она узнала фамилию Фрухтенбаум и написала мне письмо. В этом письме она написала, что она и её отец, который уже умер, встретили в конце Второй Мировой Войны семью Фрухтенбаумов в лагере для перемещаемых лиц. Как оказалось, её отец, на самом деле, был именно тот лютеранский служитель, которого я разыскивал. Но потому что он умер, а его дочь имеет фамилию по мужу мои попытки найти их были безуспешными. В следующем году моя жена и я сделали остановку в Германии по дороге возвращения из Израиля, чтобы встретиться с ней. Она сказала, что с тех пор как мы уехали из Германии в 1951 году, она молилась за моё спасение каждый день. Я был спасён в 1957 году, но она не знала об этом. Она непрерывно продолжала молиться за меня вплоть до 80-х годов, когда ей стало известно, что я верующий, истинно, свидетельство – сила торжества молитвы. Сегодня, Манфред и Ханна Кёнстлер работают в Ариэл Министрис как представители для немецко-говорящего мира.